

ЛОРА КЕЙЛИ

В петле
времени

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *А. Дурасова*

Кейли, Лора.

К33 В петле времени / Лора Кейли. — Москва :
Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-162238-1

Детектив Бенджамин Морис приезжает на очередной вызов: убита молодая женщина в собственном доме. В саду он находит заколку с прядью волос, а когда возвращается в особняк, обнаруживает, что дом пуст, нет ни трупа, ни коллег. Решив, что все ушли, он забирает находку с собой и утром привозит ее в участок.

Но там детектива поднимают на смех, не понимая, о каком убийстве идет речь. Морис уже решает, что сходит с ума, но неожиданно приходит та самая женщина, которую он вчера видел мертвой, и жалуется на угрозы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кейли Л., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162238-1

1

ГЛАВА

К дому Саманты Стюарт инспектор Морис прибыл через десять минут. Всю последнюю неделю он проклинал бумажную волокиту, считая, что детектив должен заниматься настоящим делом, а не переключиванием страниц из папки в папку, из кабинета в кабинет. Не то чтобы он был рад этому вызову, но и не то чтобы не был. И не видел в том никакого кощунства.

Дом Саманты Стюарт, двухэтажный каменный с коричнево-красной крышей и арочными окнами, поддерживался высокими колоннами и ежегодной побелкой. Свет огромной люстры играл меж гранёными каплями, отражаясь множеством лучей на мраморном полу. Комнатные пальмы стояли у высокой лестницы, ведомой бронзовыми перилами на второй этаж. По этой же лестнице поднимался офицер со служебной овчаркой, предлагая ей взять исчезнувший след.

Инспектор Морис прошёл на кухню. Саманта Стюарт сидела за столом, в компании двух следователей, одного криминалиста и хрустальной вазы с апельсинами, что стояла в центре стола. По округлым бёдрам хозяйки дома струился шёлковый халат. Грудь была слегка оголена, а длинные светлые волосы небрежно спадали на лицо.

«Красивая женщина», — подумал инспектор. Всё в ней было красиво, всё, кроме зияющего багрового пятна под грудью.

— Огнестрел, — сказал один из следователей, — гильзу не нашли, пуля разорвалась внутри.

— Огнестрел, — повторил Бенджамин Морис и обошёл сотрудников, не мешая им работать с телом.

Работа же инспектора заключалась в другом — восстановить цепочку последних событий.

— Предположительное время смерти? — спросил он.

— Около полудня, — ответил следователь.

«Около пяти часов назад», — прикинул инспектор.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в спальню была открыта. Морис вошёл. Кровать аккуратно заправлена, стулья на местах, один у стены, другой возле зеркала, никаких следов взлома или борьбы. На туалетном столике стояли разного вида шкатулки: из лакированного дерева, из холодного зелёного камня и просто обшитые кожей. Весь столик был в них.

Морис открыл одну, вторую, третью, их было шесть, и все они были набиты украшениями: жемчугами, золотыми кулонами, красивыми кольцами. В одной из шкатулок была свёрнутая пачка денег, они отпружинили крышку, когда Морис только дотронулся до неё. Инспектор взял одно из колец и присмотрелся к оборотной стороне — тысяча восемьсот какой-то год, цифры были стёрты. Так и есть, подумал детектив, все украшения походили на семейные реликвии и стоили немислимых денег, и все они были нетронуты. Если бы

преступник искал что-то конкретное, одно кольцо из множества, но нет, следов поиска тоже не было. Морис хорошо чуял былую суетность. Когда кто-то спешил или заметал следы, это всегда ощущалось в воздухе, будто само пространство было спутано.

Впервые инспектор почуял подобное лет десять назад, в спальне своего дома, когда вернулся раньше времени. Эта скомканная нервозность витала в воздухе, пряталась во взгляде жены, в ворохе наспех заправленной постели. Тогда он никого не нашёл, он и не пытался искать, но и не отрицал очевидного. Так и сейчас очевидно было, что убийца — не вор.

Часто Морису приходилось реанимировать прошлое, расставлять предметы по местам, поступки по мотивам, прослушивать телефонные разговоры, проходить по следам будущей жертвы, до последней её минуты. Он должен был думать как преступник, хотеть того же, понять, почему он того хотел. Инспектор спустился вниз.

— Мы осмотрели сад, — услышал он знакомый голос сержанта, это был Ронни из его отдела, — в саду всё чисто. Скорее всего, убийца вошёл через центральный вход, а жертва сама впустила его.

— Так в саду совсем ничего? — переспросил детектив.

— Проверь сам, Морис.

Ронни не любил таких, как детектив. Слишком педантичен, слишком въедлив и не к месту упрям. Бенджамин всегда был не к месту. Для Ронни всё казалось очевидным, для Мориса же ничего очевидного быть не могло.

Двери во внутренний двор были распахнуты настежь, через кухню виднелся просторный сад с небольшим водоёмом, милым фонтанчиком, ротанговой мебелью и садовыми гномами, засевшими в кустах. Бенджамин Морис пошёл на свет играющего в малиновых клёнах солнца, оно то подсвечивало огневидные листья, то оттеняло их. В саду пахло лилиями и розмарином. Морис и сам был не прочь жить в таком доме, но жил лишь в серой квартире, под такими же серыми соседями, которым, как и ему, никогда не светили ни такой дом, ни фонтан со скульптурами, ни солнце в канадских клёнах.

Инспектор медленно обходил сад. Подошвы его чёрных ботинок осторожно приминали идеальный газон, ступали по мозаичным дорожкам из камня, проходили вдоль полукруглых кустарников и осиротевших белых фигур. Зелёное, белое, зелёное, белое, стеклянное... стеклянное. Морис не сразу заметил стекло, лежавшее в траве, присмотревшись, детектив поднял его. Оказалось, что это заколка (имитация хрусталя с металлической застёжкой), с прядью светлых волос на ней. «Прядь Саманты Стюарт, — подумал Морис, — внушительная прядь. Таковую можно только выдрать силой». Морис попытался восстановить происшедшее. «Сначала он схватил её за волосы, — рассуждал детектив, — она вырывалась, он дёрнул и выдрал заколку вместе с волосами. Преступник выбросил её, а после сам же не смог найти, нелегко найти стекло на траве. Получается, убийца не выстрелил в мирно сидящую женщину, он убил её здесь и приволок на кухню, усадив за стол, придал ей красивую позу, но за-

чем? На обуви убитой нет травы или земли, её каблуки должны были впитаться в землю, должны были принести с собой что-то из сада. Он помыл её обувь, — догадался Морис, — помыл и усадил за стол. Но почему он не оставил её здесь? Труп на траве в саду, чем плохое убийство? Почему не в саду? — Детектив расхаживал из стороны в сторону. — Никто не должен был знать, что убийца зашёл через сад. Через сад можно зайти? Инспектор пробежал по периметру. Невысокий каменный забор огораживал участок. Зайти через сад... У него не было ключей от дома, и ему не открыли бы, а подстроил он всё так, чтобы сузить круг подозреваемых до близких знакомых».

Морис ещё долго ходил по участку. При желании можно было легко перемахнуть через забор, поставить лестницу и перелезть. Да что там лестницу, инспектор встал на цыпочки, будь преступник выше Мориса (что вполне естественно, все знакомые были выше Мориса, даже женщины), то с лёгкостью бы мог перелезть через забор. Инспектор осмотрел заколку, пружина выскочила, прядь убитой Саманты развевалась по ветру. Он накрутил её на пластиковое стекло и стал ощупывать карманы своего плаща. Пакеты для вещдоков Бенджамин всегда носил с собой. Всегда, только не сейчас. Ничего, у Ронни должен быть пакет.

Морис забежал в дом. В доме никого не было. Ни тела, ни следователей, ни Ронни. Только пустота. Дорогая, холодная пустота.

— Ронни, ты здесь? — крикнул Морис.

Из сада повеяло холодом, Морис закрыл витражные двери.

ЛОРА КЕЙЛИ

«Как долго я пробыл в саду», — подумал он и посмотрел на часы. Стрелки остановились. Он побил по стеклу, оно треснуло.

— Китайская дешёвка, — буркнул детектив. Он стал рыться по кухонным ящикам и, найдя наконец рулон из пакетов, положил заколку в один из них. Завтра он отдаст вещдок на экспертизу.

2 ГЛАВА

Морис жил в небольшой квартирке: прихожая, через шаг холодильник и мойка, можно сказать, кухня в прихожей или наоборот. Окно освещало полкомнаты, кухня и была половиной комнаты, в неё буквально врезалась кровать. За окном находилась пожарная лестница. Мимо Мориса часто ходили по лестнице: непонятные люди в широких штанах, понятные женщины в длинных блузках, или то были короткие платья... Морис давно не смотрел на девиц. Ничего хорошего от них он не ждал.

Всё, что он когда-либо имел, отошло его жене и её любовнику. Тот прохиндей работал юристом, они оказались в сговоре. А Бенджи остался в этой квартире, на третьем этаже четырёхэтажного дома времён Великой депрессии, или каких-либо других времён, но застал он немало депрессий. Депрессию несчастного художника, что жил на втором, тот писал картины и разрывал их, писал и разрывал. Морису даже казалось, он писал, чтобы разрывать. Депрессию мадам Аннет, все знали, что она мадам, но никто не видел почему. Скорее всего, она была вдовой, скорее всего, вдова была безутешна, ведь кто бы её ни утешал, больше пары дней не задерживал-

ся. Дом застал депрессию великого фотографа. Сеньор Альваро жил над Морисом и всем говорил, что великий, а его фотографии крали, бесстыдно крали и побеждали с ними на выставках. Никто и не спорил с несчастным фотографом, все соглашались с его величием, всем было не до него. Было ещё много других депрессий, они заселялись и выселялись из дома, парочку вынесли ногами вперёд.

Морис позавтракал холодной пиццей и принял чуть тёплый душ. Когда-то у него была своя ванная, в том доме было две ваннанные комнаты, сейчас же не было ничего. Морис надел старый костюм, а поверх измятый плащ, нащупал в кармане вчерашний вещдок и вышел на улицу.

Захлопнув дверь престарелого «форда», в котором через раз закрывались замки, Морис поехал в участок. Такие машины перестали выпускать ещё в 98-м, но Морис не переставал в неё верить, да и зарабатывать больше не начинал.

В участке работа кипела. По отделу бегали сотрудники, трезвонили телефоны без устали, сбрасывая и принимая звонки. Секретарша Глория, что всегда опаздывала с поводом и без, распечатывала уже не первый бланк для капитана. «Позвони ещё раз в правовой отдел», — кричал ей вслед капитан.

«Значит, не раз уже звонила, — подумал Морис, — что за ерунда», — оглядывался он. Офицеры стояли у кофемашины и громко смеялись, травя анекдоты. Двери соседних кабинетов впускали и выпускали людей.

— Эй, Морис, — крикнул из-за стола Ронни, — чего опоздал?

Детектив понял, что проспал. Утром он вроде бы встал в шесть, но и часы его тоже встали, ещё вчера в шесть вечера, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис посмотрел на большие настенные, было без четверти десять.

— Чего застыл? — рассмеялся Ронни.

Морис посмотрел на Ронни, на всех вокруг, вспомнил про вещдок в кармане и пошёл на второй этаж. Что-то странное творилось с инспектором, как-то не так было вокруг.

За стеклянной дверью человек в белом (эксперт лаборатории, высокий, нервный, худой) уже десять минут объяснял что-то Морису:

— Я тебе ещё раз говорю, — настаивал криминалист, тряся пакетиком с заколкой возле носа Мориса, — что никакого дела, никакой Саманты Стюарт у нас нет!

— А я тебе ещё раз говорю, что вчера после шести привезли её тело, — настаивал детектив.

— Вот куда привезли, туда и иди!

Морис забрал заколку и вышел за дверь. Она громыхнула так, будто дала ему по носу. Его будто выставили, нагло выставили.

«Эти медики вечно сидят на чём-то», — бормотал Морис, спускаясь вниз, как вчера он спускался по мраморной лестнице, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис расстегнул пиджак и верхнюю пуговицу, вытер со лба испарину и вернулся в отдел.

— Эй, Ронни, — подошёл он к сержанту, — мне нужно приобщить заколку к делу.

Ронни посмотрел на заколку в пакете.

— Ну так приобщи.

— Её не принимают в лаборатории. Им нужно дело Саманты Стюарт.

— Кого?

— Саманты Стюарт. Вчера в саду я нашёл заколку с её волосами, убийца зашёл через сад.

— Какой убийца, Бенджи? В каком саду?

— Ты издеваешься, что ли, Ронни? Ты вчера осматривал тело. Саманта Стюарт, двадцать шесть лет, огнестрел.

— Какой огнестрел, какое тело? Вчера мы весь день просидели здесь.

— А чьи это, по-твоему, волосы? — Морис указал на пакет.

— Откуда мне знать, чьи это волосы. Ты совсем уже тронулся?

Ронни смотрел на Мориса как на сумасшедшего. Морис и сам решил, что сходит с ума.

— Дом, двухэтажный с колоннами у поворота на Филдстон-стрит, — не моргая смотрел он на Ронни.

— Так, — протянул сержант. — Я всё понял...

— Да?

— Конечно! Вчера после работы ты пошёл в бар и в дупель напился, а после подцепил какую-то девку, вот с этой самой заколкой, провёл с ней ночь, проспал, а наутро принял её волосы за вещдок. И сегодня в белой горячке припёрся в отдел.

— Там был сад, Ронни, — чуть не плача говорил Морис, — в саду были гномы.

— Гномы?

— Да.

— В саду?

— Да!

— Живые?

— Ты что, издеваешься надо мной? — Морис облокотился на стол.

— Что случилось? — спросил офицер, что потягивал кофе у стойки секретарши.

— У Мориса появилась любовница, — крикнул Ронни. — Сегодня ночью он выдрал ей волосы и сейчас пришёл похвастаться этим.

— Поздравляю, лейтенант! — сказал офицер, приподнимая кофе, как бокал. — Сколько можно оплакивать неудавшийся брак.

— Я не оплакивал...

— И правильно.

— Нашёл чем хвастаться, — покосилась на Мориса секретарша.

— Не завидуй, Глория, — подмигнул ей Ронни.

— Да не было никакой любовницы! — завопил Морис.

— Есть вещи, которых не стоит стыдиться, лейтенант, тем более в вашем-то возрасте...

— Мне сорок пять!

— Серьёзно? А с виду дашь все сорок шесть...

— Всё, с меня хватит! — Морис послал всех к чёртовой матери и пошёл за свой стол.

«Может, и правда ничего не было, — думал он, смотря на заколку, — ни дома, ни убийства, ни сада с гномами».

Он взглянул на часы, они были с трещиной. «Может, приснилось, но откуда вещдок?»

Морис видел всё, и себя, и Ронни, и офис, весь, каким он его помнил, и людей всех, что помнили его. Чьи-то пальцы отбивали разрешение на обыск, всаживая в столешницу клавиши с буквами, чьи-то губы повторяли услышанное в трубке, завершали разговор. Этот день был таким же ре-

альным, как реальным было вчера. Вдруг это всё перед ним закружилось — и отдел, и люди, и их голоса, закружилось и встало, и Морис встал, встал и пошёл к выходу. Как идут с похмелья, нехотя, чуть пошатываясь, с больной головой и шумом в ушах.

— Простите, — донёлся незнакомый голос.

Морис видел пришедшую девушку, Морис слышал незнакомый голос, Морис сходил с ума.

— К кому я могу обратиться за помощью?

Помощь сейчас не помешала бы Морису. Он огляделся по сторонам.

«Интересно, они её тоже видят или её вижу только я...»

— Вы меня слышите? — спросила женщина.

— Я вас слышу, — прошептал инспектор, он будто сейчас проглотил все гласные. Он будто забыл, как дышать. Вдох, вдох, где выдох? А, вот же выдох, ладонью с размаху по потной спине. Ронни треснул ему меж лопаток: «Морис, дай пройти», — и прошёл мимо него, мимо неё, как будто так легко это было — ходить мимо воскресших людей.

Морис взял женщину под локоть, никогда он не брал трупы под локоть, никогда не приглашал присесть.

Он сел за свой стол, она села напротив.

— Глория, принеси, пожалуйста, кофе, — попросил Морис.

— Я не твой личный секретарь, — чуть не ответила Глория, но тут же метнулась за кофе, увидев бумажную бледность его лица.

Морис отпил сладкий кофе, искоса смотря на ту, что смотрела на него.

— Как вас зовут? — еле выговорил он.

— Саманта Стюарт.

Всё опять закружилось, но быстро встало на места.

— Чем я могу вам помочь?

— Уже неделю мне поступают звонки с угрозами. Я не сразу поняла, что это угрозы, — она быстро перебирала ремешок своей сумочки.

— Не поняли?

— Нет, сначала в трубке молчали, а потом заговорили, но голос был будто записан на плёнку или наложен какой-то эффект.

— Что сказали?

— Время пришло.

— Время пришло?

— Да, — губы её задрожали. — Меня могут убить?

— Возможно, — протянул Морис.

Он совершенно не думал о жертве, чего о ней думать, если она уже мертва, он не думал и о поступивших звонках, раньше бы он зацепился за это, раньше, но не сейчас. Сейчас он думал о психологической помощи и о том, как нелепо завершилась его сознательная жизнь. По долгу службы он пару раз говорил с сумасшедшими. Но, к сожалению, не спросил их тогда, поняли ли они, в какой момент спятили. А стоило бы спросить. Если они ни о чём не догадывались и не знали никогда, что разум покидает их, а он знает и вполне себе догадывается, значит, у него не всё так плохо. Может, он и не совсем псих...

Детектив взглянул на Саманту. Ему захотелось ещё раз дотронуться до неё. «Может, она ненастоящая, может, всё ненастоящее», — подумал Морис, но всё же постарался прийти в себя.

Глаза Саманты наполнились страхом, лицо задрожало, волосы то и дело спадали на лоб, мешали, лезли в глаза. Она поправляла их и поправляла, пытаясь собрать, но они всё падали и падали. Саманта открыла объемную сумочку и ушла в неё с головой, долго рылась и что-то искала.

— Что вы ищете? — спросил Морис.

— Я вчера потеряла заколку, — сказала она, — и где я могла её потерять...

«В саду», — чуть не выпалил Морис, но, нащупав заколку в кармане, смолчал.

— Последнюю неделю я никому не открываю дверь, — продолжала покойная, — только доставщикам еды. Я почти не выхожу на улицу, только если во двор, у меня есть свой сад, всё время я провожу там.

«Отличный сад, — хотел было сказать Морис, — и гномы отличные, и клён».

— Вы мне можете? — взмолилась Саманта.

В глазах её было столько надежды... «Разве могут быть глаза покойника полны надежды, — рассуждал молча Морис, — не могут. Скорее всего, она не мертва. Скорее всего, это даже не её заколка. Может, Ронни был прав...»

— Я сделаю запрос в телефонную компанию, — сказал детектив, постепенно приходя в себя, — мы постараемся вычислить, откуда поступали звонки. Но, скорее всего, не получится.

— Не получится?

— А если и получится, это нам ничего не даст.

— Почему?

— Подобного рода угрозы поступают либо с телефонных уличных будок, либо с заграничных «мёртвых» номеров. Их хозяева не те, кто звонят.

— А узнать, откуда звонили, вы можете?

— Можем, но только в процессе звонка.

Морис и сам не заметил, как быстро он вошёл в колею своей обычной жизни, обычного лейтенанта отдела убийств. Он говорил так чётко и сдержанно, как говорил всегда, как говорил ещё день назад. Его волновала жизнь этой Саманты. Его волновало, кто же преступник. А заколка, да что заколка, пусть она будет как есть, в пакете, в кармане, в непонятном прошлом, когда-нибудь всё непонятное обретает чёткий след. Морис всегда это знал, он и сейчас в это верил.

— Я в дом больше не вернусь, — сказала Саманта.

— Но что прикажете делать?

— Не знаю...

— Вы можете поселиться в гостинице, но охрану я вам дать не смогу.

— А если он выследит меня? Вы можете пожить со мной?

— В гостинице? Нет, мэм, боюсь, это невозможно.

— А я с вами?

— Вы серьёзно? Хотите пожить у меня? Я боюсь, в моей квартире не так много места.

— Мне всё равно, пожалуйста, не бросайте меня.

— Хорошо, до выяснения всех обстоятельств вы можете пожить у меня.

— Правда?

— Правда, — ответил Морис и вышел из-за стола.

Саманта тоже встала.

ЛОРА КЕЙЛИ

— Подождите меня у дверей, мне нужно найти ключи.

Морис искал ключи от машины.

— Что потерял? — вернулся Ронни.

— Ключи от машины, — он рылся в столе.

— Ключи?

— Ключи.

— Те, что в руке?

— Те, что... — Морис взглянул на свою руку. — Спасибо, Ронни.

— Ты куда это, Морис?

— Мне нужно проводить девушку, она поживёт у меня.

— Вторая за сутки? Даже я так не могу, — Ронни заржал. Морис сделал вид, что не слышал.

— Только у меня очень маленькая квартира, — подошёл он к Саманте, — и в ней лишь одна кровать.

— Ничего, я буду спать на полу.

Почему-то подумалось Морису, что на полу будет спать именно он.

3

ГЛАВА

Днём ранее

Чарли Беккер снял дом напротив, напротив дома Саманты Стюарт, он любил Саманту Стюарт, как и каждый порядочный человек обязан любить свою работу. Люби своё дело, сынок, говорил ему отец, и тебе никогда не придётся работать. О да, как он был прав. Отец Чарли держал свиноферму в Техасе. Он разводил свиней, он любил свиней. «Они как люди, — говорил он, умны и прожорливы. Вот только они предчувствуют смерть». Отец по глазам это видел, он закалывал свиней двадцать пять лет.

«Они предчувствовали смерть, — думал Чарли, стоя за занавеской в спальне, наблюдая за домом Саманты Стюарт. — Они предчувствовали смерть, в отличие от людей».

Чарли Беккер сглотнул. «Сейчас бы на ферму», — думал он, глядя в бинокль в окно спальни Саманты Стюарт. Она только встала, она рано встаёт. Запахнула шёлковый халат и завязала его на поясе, она наклонила голову набок и начала расчёсывать волосы, сверху вниз, сверху вниз. Она была его работой уже несколько дней. За всю жизнь у него было много такой работы, он имел дело с людьми, он наблюдал за ними, он убивал их. Чарли любил пистолеты с глушите-

лем, так он не слышал, как убивал, щёлк — и всё, щёлк — и готово.

«Это не грех, — думал Чарли, — ну какой это грех? Это просто работа — делать за других, что они не сумели бы сами, получать хорошие деньги, брать новые заказы и заметать следы». Чарли Беккер любил заметать следы, всё в его работе было чисто, он любил чистоту. Однажды он помыл посуду за убитым, он-то уже не помоеет, а оно завоняет всё. Когда Чарли уходил, всё блестело, после него даже покойники выглядели лучше, чем при жизни. Они же такие суетные, думал Чарли, кто кричит, кто вырывается, кому галстук потом поправь, кому причёску. Причёска же самого Чарли была идеальна, с пробором набок и ровными баками, он и сам был идеальный.

На работу Беккер ходил в костюме, тёмно-синем костюме и белой рубашке. В шкафу его было много таких рубашек, к сожалению не всегда они оставались белыми, но только он сам мог застирывать их, а как не смочь, десять лет практики. Он стирал лучше всякой химчистки. Он не любил химчистки, там задают неловкие вопросы, «от чего это пятно» спрашивают они, а Беккер совсем не любил оправдываться, нужно было что-то придумать, легче постирать самому.

Беккер занавесил окно. Заказчик попросил выждать неделю, подготовить Саманту Стюарт, утрашить. Чарли не впервой было утрашивать, слово заказчика — закон. Но что больше всего его удивляло, так то, что жертвы не двигались с места. Звонишь им в офис, они запираются в офисе, звонишь домой, они закрывают все двери. Будто когда для него были препятствием две-

ри. Даже свинья выбежит из стойла, если есть куда бежать. Люди тупее свиней. Чарли и сам любил предупреждать своих жертв, всё же воспитанным людям следует предупреждать о приходе заранее, он же не гангстер какой, он серьёзный человек.

Чарли Беккер настолько серьёзный, что его пару раз перекупали гангстеры. Однажды он пришёл на встречу с заказчиком. Его пригласили в офис (высокое здание в центре Манхэттена), на двадцать восьмой этаж. Его пригласили на встречу с заказчиком, в здание, напичканное камерами и охраной, отслеживающей те камеры. Он прошёл осмотр, они не нашли ничего. Конечно, не нашли. Ничего и не было, пока он проходил узкие коридоры, ничего не было, пока он открывал распашные двери, никакого оружия в его руках, пока он пожимал руку заказчику. Оружие было под кожей его руки. Перед убийством ты не чувствуешь боли, да и Чарли Беккер вообще мало что чувствовал, он вытащил спицу из-под кожи запястья, он всадил её в шею стоящего перед ним. Его перекупили за час до переговоров. Ему заплатили больше. Чарли всегда платили больше, больше, чем кому бы то ни было. Да и хорошо, разве на дело берут «кого бы то ни было»? Кто бы то ни был не может стать хорошим киллером, а Беккер стал хорошим, отличным, он был лучше всех.

Месяц назад ему позвонили. Его вызвали в один из офисов, в один из тех, что теряются в небоскрёбах-муравейниках, который потом и не найдёшь. Часто для встречи с ним снимали офисы, никто не хотел светить дома. Его встретили на пороге охранники, они провели его че-

рез металлоискатель, тогда он был чист до самых костей. Человек в костюме поздоровался с ним, развернувшись на кресле. Он был подтянут и загорел, его руки были ухоженнее женских, а зубы блестели, как новый фаянс.

Чарли получил много денег, карту местности, фото жертвы в профиль и анфас. Он вышел из кабинета с высокими окнами и заселился в дом напротив. Напротив дома Саманты Стюарт.

Чарли посмотрел на часы, стрелки показали семь утра, он застегнул верхние пуговицы белой рубашки и вышел подышать. Он любил дышать, он любил то, чего лишал других.

Сонные улицы не спешили просыпаться, они ещё потягивались под ночным покровом, открывая то один, то другой глаз. То одно, то второе окно соседних домов открывало и закрывало жалюзи, то одна, то другая рука высовывалась из дверей, забирая газеты. Нехотя поднимался Филдстон, нехотя впускал в богатые стены новый день. Солнце взошло над домами, сад напротив звенел красным клёном.

Чарли поднял с порога газету и вернулся в дом.

«Новости Филдстона. 26 августа», — прочитал он.

Сегодня был важный день, он бросил газету на стол. Любой рабочий день важный. Беккер засыпал кофе в турку, раз, два, налил воды, поставил на плиту, дождался первых пузырьков, снял. Беккер знал, что Саманта никому не открывала, никому, кроме доставщиков еды.

Чарли прослушивал её телефон на протяжении недели, он слышал её взволнованный голос каждый день. Сегодня он также ждал её звонка.

Чарли включил модуль и надел наушники, отпил горячий кофе, снял языком тонкую плёнку кожицы с нёба, и только так понял, что обжёг. Он не почувствовал боли, он ничего не чувствовал, когда был так сосредоточен. Прошло три часа. В наушниках Беккера раздался знакомый голос.

— Ресторан «Джордано», здравствуйте.

— Здравствуйте, я бы хотела заказать фирменный завтрак, ланч и кофе, без сахара, — сказала Саманта Стюарт.

— Назовите адрес, мисс.

— Филдстон-стрит, 82.

— Заказ доставим в течение часа. Всего доброго.

Вчера Беккер заказал ланч в том же ресторане, и сейчас он доставит его сам. Чарли допил кофе до горечи и вышел из-за стола. Он открыл высокий створчатый шкаф и стал перебирать одинаковые пиджаки: первый, второй и неприятно жёлтый. Неприятно жёлтый комбинезон доставщика ресторана «Джордано» выбивался из общей картины, портя всё. Он надел неприятно жёлтый на белоснежную рубашку и посмотрел в напольное зеркало. Чарли любил высокие напольные зеркала, в них был весь он, весь целиком, с головы до пят, а не по частям, по частям можно выносить только трупы, а в зеркало нужно видеть себя во весь рост. Он отряхнул комбинезон от невидимой пыли и подошёл к прикроватной тумбе. На ней лежал рабочий инструмент, он купил его за большие деньги. Нельзя экономить на инструменте, как скрипач не экономит на скрипке, так и он не пожалел денег на оружие. Оно должно быть идеальным, оно должно идеально выполнить свою

работу. Чарли взял пистолет и прикрутил к нему глушитель. Он смотрел на оружие, как мать на дитя, любясь им и поглаживая, он заткнул пистолет за пояс, взял у порога пакет с едой и пошёл на работу.

Дом Саманты Стюарт находился напротив, Чарли Беккер перешёл дорогу, его твёрдый шаг ступал по мозаичным камням, ведущим прямо к двери. Скоро здесь будет полиция, подумал Беккер, в своей работе ему нравилось всё, особенно переполох после неё, и то, что он был его причиной. Мечущиеся медики, осматривающие территорию полицейские, собаки, ищущие след (они никогда его не найдут), телевизионщики с репортёрами: «Преступник не оставил никаких следов», — скажут они. Беккер ухмыльнётся от слова «преступник» и потешит себя «отсутствием следов». Сейчас он дойдёт до двери и позвонит в неё, он войдёт за порог, закроет дверь и... И вот уже звонок раздался раздражающим резким писком по дому. Шаги приближались к двери, женские каблуки цокали по кафелю. У Беккера был отличный слух. Женская рука открывала верхний замок, нижний замок, дверная цепочка влево-вправо. Вот она.

«Ну, здравствуй, — подумал Беккер, — скоро ты умрёшь».

— Доброе утро, — сказал он.

— Здравствуйте, — сказала она и взяла пакет, — проходите, я дам вам чаевые.

Саманта пошла на кухню за сумочкой. Беккер зашёл и закрыл дверь, на один замок, на второй... Саманта обернулась, Беккер шёл на неё. Ноги её подкосились, она попятилась назад, к дверям са-

да. Беккер шёл на неё. Она выбежала в сад. Беккер шёл на неё.

— Не волнуйтесь, мисс Стюарт.

Он достал пистолет и прицелился. Саманта бежала по саду, он выстрелил. Осечка. Чарли ошалело посмотрел на пистолет, выстрелил ещё раз — промах. Саманта бежала к забору. Чарли побежал за ней. Ещё немного, и она добежит, ещё немного, и Чарли достанет её, допрыгнет, как рысь до добычи. Беккер добежал, схватил Саманту, она вскрикнула, он закрыл ей рот, она вонзила ему каблук в ногу, он вцепился ей в волосы. Саманта вырывалась в истерике, Чарли не любил женские истерики, он не любил рукопашную, он ненавидел промахиваться. Саманта резко запрокинула голову, ударив его затылком по носу, он дёрнул её сильно за волосы, выдрал клочок волос. Что-то треснуло и упало на землю, Беккер не понял что, сейчас не до этого, сейчас бы затащить эту стерву в дом. Он потащил её, она впивалась туфлями в землю. Беккер выстрелил ещё раз, Саманта обмякла и повисла на его руках.

Чарли выдохнул. Он ненавидел, когда идёт не по плану, он ненавидел такую возню. Сегодня же он выкинет этот чёртов пистолет, а завтра свернёт шею тому, кто продал его. «Самая лучшая женщина — мёртвая женщина», — подумал он и, взгромоздив Саманту на плечи, занёс в дом.

Чарли посадил уставшую Саманту Стюарт за белый кухонный стол. «Какая она растрёпанная, — подумал он, — и эти грязные туфли, этот грязный пол, повсюду грязь».

4

ГЛАВА

Впервые за десять лет Бенджамин Морис спал с женщиной. То есть рядом с женщиной, точнее, около кровати, на которой спала она. А он был рядом, на полу, рядом с её рукой, которая то и дело спадала ему на лицо. Как-то ночью рука нащупала его нос и забралась обратно, а потом опять сползла. Бенджамин мог бы убрать руку, но как-то смутился, всё же рука, всё же женская, всё же временно, подумал он. Ничего он так не боялся, как живых женщин, ему было бы спокойнее спать среди мёртвых, где-нибудь в морге или на кладбище, где он только не спал, но никогда ему не было так некомфортно, как сейчас.

Ещё неудобнее было Саманте. Она ворочалась до полуночи. Таких матрасов она сроду не видела, на таких кроватях она никогда не спала. Что-то под нею скрипело и проваливалось. После нескольких часов возни Саманте почудилось, что скрипела уже она сама. Наутро каждый из них проснулся разбитым. Морис посмотрел на разбитые часы, вспомнил, что они не идут, потянулся за пультом и снова посмотрел на циферблат, стрелки показывали семь двадцать, часы шли. Он ещё с минуту смотрел, как секундная обгоняет все остальные, переступая с чёрточ-

ки на чёрточку, с цифры на цифру, увеличивая счёт.

Саманта вышла из ванной комнаты.

— Мне нужно заехать домой, забрать кое-какие вещи, — сказала она.

— Который сейчас час? — спросил он.

— Семь двадцать.

— Семь двадцать, — повторил Морис.

— Что-то не так?

— Часы пошли.

— Это плохо?

— Нет, но вчера они остановились...

— У меня здесь даже зубной щётки нет.

— Может, они и не останавливались...

— И пижаму нужно забрать, я привезу сюда пару чемоданов?

— Конечно.

— А кто здесь готовит? — она посмотрела на кухню.

— Я.

— Вы умеете?

— Нет.

— И я не умею.

Они замолчали. Саманта привыкала к мысли, что ей нужно будет жить здесь, а Моррис, что здесь нужно будет жить с ней, и с её чемоданами. «Хорошо, что не с кошками, — подумал Морис, — хорошо, что не с детьми». Он не любил ни кошек, ни детей. Он даже думать не хотел, что в тех чемоданах. А в них, наверное, женские вещи с приторными ароматами, побрякушки, заколочки... Заколочки, вспомнил он. Ах да, успокоился Морис, он же встал этой ночью и спрятал заколку в верхний ящик стола.

- Значит так, вы готовы? — засобирился он.
- К чему?
- Едем к вам за вещами. Точнее, вы за вещами, а я осмотрю дом.

Когда-то, когда Саманта была совсем юной и жила не здесь, за ней ухаживал парнишка с соседней улицы. Каждый вечер он заезжал за Самантой. Они смотрели кино в машине, и целовались в машине, вот в такой вот машине, в которой она сидела сейчас.

— Я и не знала, что их ещё выпускают, — осмотрела она неброскую панель.

— А их и не выпускают, — смутился Морис.

А дальше они и не знали о чём говорить. До дома Саманты доехали за пятнадцать минут. «Хорошо, что быстро, — подумал Морис, — ничего нет хуже тягучей молчаливой неловкости». Она как жвачка, которую тянешь, тянешь, а потом запихиваешь всю эту тягомотину в рот, надеясь выдуть хоть какой-то пузырь. Нужно хоть что-то выдавить из слов, беспорядочных, случайных; пузырь из бессмысленных предложений. Морис не любил пузырей, он не жевал жвачки, он привык говорить чётко по делу, иначе никак.

Дом был всё тот же, белый с колоннами. Морис медленно к нему подходил. Никак он не мог заставить себя зайти за порог. Вот зайдёт он, а там опять она — мёртвая, на белом стуле, в халате из шёлка... Она стояла посреди холла, живая, звала его.

— Вы так и будете стоять на пороге, детектив? — улыбалась Саманта.

Однозначно он был здесь тогда, однозначно это не было сном. И он не знал, что бы это всё значило. Его раздражало это незнание, как любое незнание, потому он докапывался до истины быстрее других. Ему нужна была правда, голая, истерзанная, грязная, но правда, и не было ничего важнее неё.

Всё тот же светлый холл, всё те же узоры от спутанных клёнов рисовало солнце на белом полу. Кудрявые, волнистые, они плясали на кафеле, живым театром игривых теней. Саманта открыла витражные двери, запустила запахи летнего сада: сладкие лилии, хвойный розмарин. Плавно, размеренно наполняли они своей душистостью дом, проникая призрачно в стены, в мебель, в каждого, кто был здесь. Разморило и Мориса, ударило в голову, он пошатнулся, но устоял. «Стол, гарнитур, два белых стула. Чего-то здесь не хватает, но чего?»

— Вы хотели осмотреть дом, — напомнила Саманта.

— Я его уже осмотрел, — глядел он на розовые кроны, меж зелёных округлых кустов.

— Осмотрели? Когда?

— Сейчас, я осмотрел сейчас.

— Вам нехорошо?

Вид и без того хилого инспектора Саманте показался ненормально болезненным. Он был так бледен, что, поставь с ним рядом восковую куклу, и та была бы живей. Этот невысокий сутулый человек совсем не походил на детектива. Он походил скорее на учителя рисования или истории, помятого, неуклюжего в этих самых брюках, на таких же подтяжках; он ходил бы по классу, отме-

ря шага, думая и присматриваясь, наблюдая за каждым предметом как за шкодливым учеником. Каждый предмет мог что-то да значить, каждый мог заговорить. И Морис вроде как прислушивался к ним. Он подошёл к телефонному аппарату, снял трубку и нажал на кнопку последнего вызова. Аппарат испускал гудки, совершая соединение.

«Ресторан «Джордано», служба доставки», — раздалось на том конце провода.

«Извините», — сказал Морис и повесил трубку.

— Последним местом, куда вы звонили, был ресторан?

— Да, я заказала еду на дом.

— А потом пошли в полицию?

— Да.

— А почему не позвонили?

— Я боялась, что он узнает, что я позвонила в полицию.

— У вас есть какие-нибудь предположения, мисс? Вы кому-нибудь перешли дорогу, сейчас или когда-то? Подставили, подсыпали стекла в туфли на каком-нибудь из конкурсов красоты?

— Я никогда не участвовала в конкурсах красоты, — Саманта рассмеялась. Красная помада её пухлых губ придавала красивой улыбке ещё больше света.

— Почему вы смеётесь?

— Вы очень забавный, мистер Морис.

— Я забавный? — он покосился на неё с таким прищуром, что она рассмеялась ещё заливистой.

— Простите, я не хотела вас обидеть, я так давно не смеялась, уже год как.

— Я не обижаюсь, мисс, вам идёт смех, я вот не умею смеяться.

— Нет?

— Нет.

— Такого не бывает.

— Бывает, серьёзно вам говорю, я только улыбаюсь, вот так, — инспектор оголил свои редкие коротковатые зубы, Саманта не выдержала и, смеясь, села на лестницу.

— Что? Что такое? — присел он рядом.

— Ничего, — отходила она от смеха — ничего, мистер Морис. Вы так непохожи на всех других.

— На каких других, мисс Стюарт?

— На всех других, на тех, кто был, — она замолчала и продолжила: — Кому-то нужны были мои деньги, вы знаете, я богата.

— Я догадался, мисс.

— Да, это заметно, — она оглядела хрустальные люстры на потолке.

— Кому-то нужна была моя внешность.

— Вы очень красивы, мисс, не стоит осуждать тех, кто заметил это.

— Но никто не замечал ничего другого.

— Я понимаю. Людей привлекает красота, это нормально, моя жена изменила мне с красавцем.

— О господи...

— И это нормально.

— Как вы можете так говорить?

— У меня есть зеркало, мисс, — инспектор скривил лицо в натужной ухмылке, встал со ступеней и пошёл на второй этаж.

— Неправда, — догнала его Саманта. — Вы очень милый.

— Спасибо, мисс, — смутился Морис. — Так вы говорили, что не смеялись уже давно.

— Моего отца не стало год назад, сэр, — сказала она, чуть помолчав.

— Сочувствую. Что-то криминальное?

— Нет, сердечный приступ.

— Мне очень жаль, — Морис замедлил шаг.

— Но я не верю в это, — повернулась она к нему.

— В приступ? Сейчас такое время, мисс. В моём доме за последний год было два сердечных приступа.

— Я понимаю, но мне не дали даже результатов вскрытия, я и не знаю, было ли оно.

— Кто не дал? — остановился инспектор у входа в спальню.

— Его друзья.

— Друзья?

— Да.

— У вашего отца было много друзей?

— Он называл их партнёрами, потом они перестали приходить.

— Они приходили сюда?

— Нет, мы жили в Висконсине, — она запнулась и продолжила: — Папа прервал общение с ними, и мы переехали сюда, а через три года он умер.

— Они поссорились, мисс?

— Я не знаю.

— Вы говорили с отцом о его друзьях?

— Нет, он не разрешал говорить.

— Не разрешал? — не понял Морис.

— Да, он всякий раз прерывал разговор.

— Кто-нибудь осматривал его вещи после смерти?

— Я пыталась что-то найти, но ничего в его кабинете не было.

- Где его кабинет?
- Здесь.
- В доме? — удивился детектив.
- Да. Пройдёмте, это на третьем этаже.
- Здесь есть третий этаж?
- Он дополнительный, только с левого крыла.

В одну комнату.

— Что сказал человек, который угрожал вам, мисс, что он сказал вам по телефону?

Саманта остановилась и посмотрела на Мориса.

- Время пришло.
- «Время пришло», это не насторожило вас?
- Я была так испугана, что...
- Я понимаю-понимаю, но воры не говорят «время пришло».

— Да, вы правы.

Она остановилась возле неприметной двери, вдавленной в стену.

— Это здесь, — Саманта открыла дверь и указала на узкую лестницу, ведущую наверх.

«Как я раньше не заметил этой лестницы», — подумал Морис.

Небольшие деревянные ступени осторожно вели за собой. Морис шёл за высокими каблуками лакированных чёрных туфель, они сверкали переливистым глянцем, вознося на себе, как на троне, белые тонкие щиколотки, стройные игривые икры, до середины прикрытые юбкой, будто волной. Справа налево приливалась волна, шаг за шагом вниз уходили ступени.

— Вот и кабинет, — сказала Саманта, открывая дверь на третьем этаже, запуская в неё инспектора.

«Вот и кабинет», — осмотрел помещение Морис.

Высокие потолки подпирали массивные балки, они будто держали мансардную крышу, не давая ей упасть. Небольшое окно освещало комнату, письменный стол стоял у окна, над ним нависали книжные полки, книжные шкафы подпирали стены, нагружённые, словно портовые грузчики, книгами до самых верхов. Возле дивана был спрятан камин, скромный камин для такого нескромного дома, он, казалось, был лишним, он, похоже, был тумбой и не более чем.

— Папа не разжигал его, — сказала Саманта, поймав взгляд Мориса, — что-то с дымоходом.

На камине-тумбе стояли: подсвечник в виде трёх слонов, пепельница в виде черепахи, фото Саманты в красивой рамке и стеклянная статуэтка в виде женской фигуры на небольшом постаменте. Морис взял статуэтку и вытер пыль с позолоченного шильда.

— За лучшую женскую роль второго плана, — прочитал он. — Ваш отец тоже был актёром? — вернул он статуэтку на место.

— Нет, что вы, — улыбнулась Саманта, — он юрист, отец занимался какими-то финансовыми делами, бумагами, договорами...

— А награды здесь при чём?

— Папа вёл дела многих известных людей, он защищал их.

Саманта взяла стройную фигурку и стряхнула с неё пыль.

— Когда-то я тоже хотела стать актрисой, — она вытянула статуэтку перед собой и посмотрела ей в лицо, словно бросая вызов, приглашая на бой,

будто заранее зная, что проиграет его, — но любое упоминание об актёрстве приводило его в ужас.

Она поставила статуэтку на место.

— Я думаю, вы справились бы, вы очень красивы, мисс.

— Спасибо, но об этом не могло идти и речи. Всех актёров он называл шутами, а актрис беспринципными, — она замялась и покраснела, — беспринципными легкомысленными женщинами. Если можно так сказать.

— Он говорил чуть жёстче? — Морис попытался поймать смущённый взгляд Саманты.

— Да, намного жёстче.

— Понятно. Значит, ваш отец принимал актрис, вёл их дела, но ненавидел их?

— Скорее презирал.

— А они? Как они разговаривали с вашим отцом?

— Уважительно.

— Уважительно? — переспросил Морис.

— Да, — кивнула она.

— Они могли выбрать любого юриста, но выбрали того, кто презирал их, и разговаривали с ним уважительно?

— Может, они не знали, как отец относился к ним?

— Может, и не знали, мисс, вы правы. А что было с личной жизнью вашего отца, как его, простите, мистер... — Морис взял выгоревшую визитку со стола, — Кларк Стюарт.

— Мамы не стало, когда мне не было и двух лет.

— Сочувствую, мисс.

— Мне было хорошо с отцом, он делал всё для меня.

- А, простите, женщины у него были?
- Наверное, были, — задумалась Саманта. — Отец был красив, но я не видела ни одной.
- За всю жизнь? — удивился Морис.
- Да, мы жили только вдвоём.
- А как же актрисы, у него не было связи с кем-то из них?
- Я не знаю, он был очень скрытен в этом плане.
- Дела каких актрис он вёл? — Морис посмотрел на ящик стола, потом на Саманту. — Можно?
- Да, конечно.
- Морис открыл его. В ящике было несколько тонких папок с бумагами. Он бегло просматривал всё.
- Так чьи дела он вёл?
- Я не знаю, я сама бы хотела знать... Он никогда не называл имён и пресекал любые разговоры о них.
- Они были у вас дома?
- Нет, ни разу.
- Отец часто не был дома? Где он работал? — Морис перебирал бумаги в папках.
- В основном дома, в Висконсине, но, когда мы переехали сюда, в этот дом, он, как бы вам сказать, вышел на пенсию. И избавился от всех дел.
- Вышел на пенсию? — Морис закрыл очередную папку. — Сколько ему было лет, когда он перестал работать?
- Пятьдесят два.
- Разве это возраст?
- Я знаю... Последние годы он был напряжён...

— Ничего, — он грохнул папки на стол, — здесь одни шаблоны договоров, никаких имён.

— Да, отец ничего не оставил. Он отошёл от дел, избавился от всех документов, а через три года...

— Вы жили здесь с отцом три года?

— Да, сэр.

— А через три года его не стало, и теперь хотят убрать и вас. Кем были его друзья?

— Он называл их компаньонами, — сказала она.

— Они были юристами?

— Не думаю.

— Они были знакомы с актрисами, с которыми он работал? — Морис чувствовал, что здесь что-то не так.

— Да, думаю, да.

— Хорошо, мисс, я разберусь. Вы разрешите, я осмотрю кабинет?

— Конечно.

— У вашего отца не осталось каких-то очень личных вещей? — детектив ещё раз осмотрелся по сторонам.

— Всё, что есть, всё здесь.

— Как его похоронили?

— Его кремировали.

— Так хотел ваш отец?

— Его друзья так сказали, что он так хотел. — Она вздохнула так глубоко, что, казалось, ей не хватало воздуха.

— Вы видели раньше этих друзей?

— Нет, сэр. Они были так вежливы, организовали всё. А я была не в том состоянии...

— Я понимаю, мисс, понимаю.

Морис ещё раз посмотрел на статуэтку.

ЛОРА КЕЙЛИ

— Погодите-ка, — он взял её в руки и осмотрел со всех сторон, — а кому была вручена эта статуэтка?

— На ней нет имени, — сказала Саманта, — я уже смотрела. Только год, вот здесь.

— Две тысячи второй, — прочитал Морис, — вы не против, если я возьму её с собой?

— Конечно, сэр. Я хотела собрать свои вещи.

— Да-да, а я ещё раз осмотрю кабинет.

Они вернулись домой только к вечеру, с пятью чемоданами и ворохом ненужных вещей.

- Я даже не знаю с чего начать.
- Начните с начала, расскажите о себе.
- О себе, мадам...
- Не волнуйтесь. Мы придём к тем событиям постепенно, — она улыбнулась глубокими морщинами, поправила седую копну пышных волос и удобнее расположилась в кресле.

Я родился в небольшом пригороде. Это ничем не приметное место. Ничем, кроме чистого воздуха, кукурузных полей и заброшенных мельниц. Я не понимал, почему они заброшенные, две из них разобрали по частям, и, кроме основания в пять кирпичей в высоту, уже ничего не осталось. Папа сказал, что их время пришло. У всего своё время, говорил он. Когда-то человек придумал их, чтобы накормить больше людей, потом пришли фабрики, хлебозаводы, и мельницы стали разбирать по кирпичам. Мы часто играли в них, представляя себя в крепости. Мы держали оборону, отстреливались, терпели поражение, были ранены или погибали, каждый раз играли по-разному. Кидали монетку, кто должен погибнуть. Никто не хотел умирать. Каждый мечтал воздвигнуть флаг победы. Мы вырезали

его из бумаги, рисовали свой герб, прикрепляли к палке.

После «войны» мы катались на велосипедах. Улицы у нас были почти безлюдные, утром все уезжали на работу, а возвращались только к вечеру. За это время по улице могло проехать пара автомобилей и один фургон с мороженым. Поэтому все дороги были наши. Как и все деревья в лесу. Лес был большой, но мы знали почти каждое дерево. Мы — это я, Конни и Лесли. Нам было по тринадцать. Да, многие наши ровесники уже курили травку и зажимались в углах, а мы играли в войнушку, рисовали карты сокровищ, бежали сквозь лес до бурлящей неровной реки. Может, потому мы и держались вместе, что были такими недорослями. Или другие были переростками. Не знаю. Я так и не понял, когда взростеет человек. Но тогда, в то лето, мы точно были детьми. Пока добирались до места, объедались лесными орехами, это те, что похожи на грецкие, но чуть уродливее; они зарывались в самую почву, будто прятались, были влажные и тёмные, в их прожилки забивалась земля, после них руки такие же чёрные. Орехи долбили камнями или половинками кирпича, что под руку попадётся, и выковыривали ядро спичками. Само оно в руку не падало, как у покупных, нужно было потрудиться, чтобы достать его, оттого оно казалось ещё вкуснее, будто пропитанное сладкой водой. Местами в лесах из невысоких кустарников выглядывали рыжие лилии, они пахли мёдом и ванилью. Тропинок в лесу было много, и все они вели к реке. Двести лет назад там стояла деревянная водяная мельница, она добывала электричество. Энергия этой реки

подавала электричество на ближайшие фабрики и дома. Но потом, с появлением водяных турбин, снесли и её, построив на том месте мост на другую сторону леса.

У самой реки повесили пару тарзанок, они крепились морским узлом на кривом суку старого дуба. Размотав верёвку, Конни усадил Лесли на доску, привязанную к концу. Пока он делал это, она улыбалась и будто специально отворачивалась, смущённо пряча лицо. И когда у неё появилась эта смущённость? Вчера ещё она была пацанкой, можно сказать, бесполом существом, а сейчас уже кокетничала. Я догадывался, что Лесли нравится Конни, что они вообще нравились друг другу, и потому никогда не лез вперёд. Не выпячивался.

Один раз мы катались на велосипедах, и Лесли упала, не сильно, но до крови кожу на ноге ободрала. Я чуть замедлился, не кинулся сразу, хотя мог. Конни всегда плёлся позади всех, у него были слабые ноги. Я намеренно пропустил его вперёд, он побежал к ней, промыл рану, наклеил пластырь. В тот момент я почувствовал себя священником, ведущим церемонию: а теперь объявляю вас...

Теперь он раскачивал Лесли на длинной плетёной тарзанке. Говорят, её привязал какой-то моряк. Она раскачивалась и скрипела морским узлом по коре векового дуба. Лесли была счастлива. Никто из нас не ждал своей очереди. Я боялся высоты, а Конни... не знаю, чего он боялся, может, выглядеть нелепо. Потом было самое весёлое, Лесли нужно было поймать на берегу. Сама она спрыгнуть боялась, тогда я придерживал верёвку, она была жёсткая и больно обдирала мои неокрепшие ладони, а Конни ловил свою Лесли,

он снимал её с этой доски, а она нарочно висла у него на шее. Я точно был третий лишний. Тут она сказала, что не накаталась. «Посади меня ещё раз, я прокачусь, — потребовала Лесли, — один раз, и всё». Конни опять её посадил, у Лесли задиралось розовое платье, на нём были красные вишни, ветер поднимал его, оголяя её длинные тощие ноги и белые трусы. Я старался не глядеть, после того как на меня недвусмысленно посмотрел Конни.

«Всё, лови», — крикнула она. Я опять придержал верёвку, а Конни опять спускал её, но в этот раз она не сразу спустилась на землю, а задержалась на Конни. Лесли обхватила его ногами, он придерживал её за талию, так они и стояли в лесу, сплетаясь ногами, руками, как дубы корнями. Я не знал куда себя деть. Домой вприпрыжку возвращался я один. Они шли медленно, не торопясь. Лесли уже не падала, спотыкаясь об корни деревьев, как было ещё вчера, а Конни раздвигал перед ней ветки, с чем до сегодняшнего дня она и сама хорошо справлялась. Когда мы вышли к дороге, я сразу побежал к себе, а Конни пошёл провожать Лесли.

Я жил в обычном доме, он ничем не отличался от других обычных домов этого сонного городишки. Все они были как один, для единого слоя общества. Я тогда ещё не знал, что у общества есть слои, но мы были вроде как средним, все мы, все, кто жил в этих домах, одноэтажных с мансардными крышами (что иногда текли), с тонкими дверьми и картонными стенами, которые прошибались ногой.

Я жил в обычной семье. Конни говорил, что у меня добрые предки. Не знаю, как по мне, так чужие родители всегда кажутся лучше своих. Отец Конни иногда наказывал его, не то чтобы сильно, не то чтобы он мог разойтись, когда сам был полицейским; лёгкие затрещины, унижительные подзатыльники, домашний арест, и всё. Это было незаконно, бить детей, а мистер Реймонд соблюдал закон.

Мои родители не давали затрещин, иногда я завидовал Конни, мне тоже хотелось услышать — иди в свою комнату и подумай над своим поведением. Но никто мне такого не говорил.

В нашем доме была только одна важная комната, где часто пропадала мать, она запиралась в ней и не слышала, как я приходил. Мать сидела в комнате, пока не возвращался отец. Он не любил, когда она была там, они часто ругались по этому поводу. Отец упрекал, мать плакала. Он осторожно упрекал, он вообще был осторожен на любые слова. Как любой хирург. Кому-то осторожно скажешь сдать кровь, кому-то сделать рентген непонятного нароста. Кому-то, что жить осталось не больше года.

Отец сутками пропадал на дежурствах, а если приезжал домой, то засыпал. В местной больнице было мало хирургов, интерны после практики уезжали в город, а мой отец впахивал за двоих. Был ещё один дядька — старик Фил, но он не брал на себя слишком много. На себя всё взвалил мой отец. Я мог не делать уроки, списывать контрольные, я всё это мог, но боялся, потому и учился хорошо. Отец хотел, чтобы я стал врачом. «Нет важнее профессии, — говорил он, — даже в вой-

ну ты будешь тем, на кого учился. Когда у других отнимут всё и дадут в руки винтовку, у тебя никто не отнимет скальпель, это единственное оружие, спасающее людей». И он спасал, я сам видел. Иногда, когда мать была совсем плоха, когда она спала целыми днями и не замечала никого, отец брал меня с собой на работу, чтобы я был хоть под каким-то контролем. Он думал, что это контроль. Я делал уроки в его кабинете, он заполнял больничные листы, а я решал задачки. Потом он уходил в операционную. И говорил: побудь здесь пару часов. Однажды я просидел все шесть. Случилось что-то внеплановое. Пару раз он показывал мне операционную и инструменты, это было куда лучше его кабинета с папками.

Всё было чисто, всё блестело. Чётко лежало на своих местах. «Здесь спасают жизни, сынок, и ты будешь их спасать». Потом мы возвращались домой, а мать всё спала. Отец говорил, у неё хроническая усталость.

Четыре года назад маму увезли в роддом, раньше времени. Живот был не такой большой, а её увезли. Вернулась она вот такой, какой и была сейчас, без живота и без ребёнка. Эту комнату она готовила для него. Всё уже было куплено, мебель расставлена, стены покрашены. Отец предлагал перекрасить стены, сделать кабинет или гостевую комнату, он объяснял, что, выживи младенец, он стал бы инвалидом, и, может, лучше, что так. Но мать не хотела его слушать, она запиралась в той комнате и просиживала там часы. Глаза у неё были вечно заплаканные, других я и не помнил. Люди, не знающие ее, могли подумать, что она аллергик. Больше всего меня раздража-

ли расспросы и вечно сочувствующие взгляды со стороны вечно интересующихся людей. — Как мама? — спрашивала продавец в супермаркете. — Как мама? — спрашивал директор школы. — Как жена, док? — интересовались на заправке у моего отца. — Всё в порядке, — отвечали мы, — всё хорошо, спасибо, — кивал я, — уже лучше, значительно лучше, — говорил отец. Значительно ничего не менялось, ни через год, ни через три.

Тогда мне казалось, умри я вместо этого младенца, она бы и не заметила. Тогда я был суровым ребёнком, подростки все суровы. Эта мысль «умри я, и что тогда» толкает детей на многое, на дальние походы и проезжающие поезда, в тамбуры кораблей, и на долгие автостопы, чтобы думать, как тебя ищут, чтобы радоваться родительским слезам. Но я им не радовался, я их ненавидел; пару раз я подлавливал мать за углом, пытаюсь напугать гуделкой, бил посуду, пытаюсь разбудить гнев, я долго хотел разбудить её, пока не понял, что она не спит, она тоже там умерла, вместе с тем ребёнком. Поэтому и не замечала меня. Однажды она засмеялась, я подбежал к комнате и стоял под дверью, потом она снова заплакала, это был истеричный смех. По утрам, когда отец собирался на работу, а я торопился на школьный автобус, в углу гудело радио. Новости на сегодня — говорило оно. Сегодняшние новости были такие же, как и вчера, а вчерашние такие же, как во вторник. Всё было таким же. Иногда по сетчатому рупору передавали поздравления: «Нэнси Дэвис поздравляет своего любимого мужа Стива с днём рождения и желает ему...» всё то же самое. Отец дожёвывал тост, проглатывал кофе, говорил «по-

ЛОРА КЕЙЛИ

ра», и мы выходили. Иногда мама выходила проводить нас. Иногда она была почти здорова. Стояла в своём длинном, до пола, платье и смотрела, как мы жуём. Она могла сказать «учись хорошо» и проводить нас до дверей. Это было редко, но было, и каждый раз мы надеялись, что кошмар закончился.

6

ГЛАВА

В квартире Мориса стало «живенько». Да, именно «живенько», так сказала мадам Аннет, соседка со второго этажа, когда зашла к нему за банкой горошка, в надежде, что у Мориса он был. У Мориса не было горошка, что стало полнейшим разочарованием для мадам.

— Странно, я думала, вы канадец, — сказала она.

Странно, почему она так подумала, удивился детектив.

— Мой муж был канадец, — не уходила мадам, — вы так похожи, — поправила она ляжку бюстгалтера. — Но я уже давно как вдова.

— И я уже давно это понял, — зачем-то сказал Морис, получив от соседки по носу своей же дверь.

В квартире Мориса и правда стало «живенько», её оживляли небольшие подушечки с бахромой. На больших деревянных стульях они смотрелись крайне нелепо. Не лучше эта бахрома смотрелась и на кровати, бахромой накрыли кровать. Большое шёлковое покрывало принесла с собой Саманта. И ещё вазочки, пара нелепых вазочек стояли на подоконнике, в них нельзя было поставить и цветка, но они были для красоты. Вазоч-

ки для красоты, без цветов. Морис не понимал этого, как и помпезно-стеклянных стаканов, для зубных щёток, как и набора махровых полотенец с инициалами, вышитыми золотыми нитками, как и многое из того, что привезла с собой Саманта Стюарт в пяти чемоданах, под которыми вчера прогнулся престарелый «Форд».

Морис отправился в участок, оставив Саманту дома, как она сказала, «наводить уют». Куда ещё уютнее, с ужасом представлял себе Морис, что ещё она покроет своей бахромой. Всё это уместно смотрелось в её доме, но не в его халупе.

В её доме он пробыл ещё час, пока она собирала чемоданы. Он перерыл весь кабинет и не нашёл ничего. Морис имел лишь безымянную статуэтку, визитку Кларка Стюарта и его фотографию, он нашёл её на полке между книг. У отца Саманты было много книг, он был грамотным человеком, а грамотных людей убивают только грамотные люди, Морис давно это знал. Правда, был единожды случай, когда верховного судью соседнего штата пристрелили с багетом в руках в небольшой пекарне, шпана пятнадцати лет. Было бы логичней и правильней, если бы судью пристрелили в каком-нибудь парке из проезжающей мимо чёрной машины, какой-нибудь седой наркодилер, но его убила мелюзга. Но это было единожды, привычнее же, когда непростых людей убивали непростые люди. Морис любил всё привычное, многие дела походили на другие, и потому детективы выходили на заказчиков по одной и той же схеме. Но это дело не походило ни на какое из дел, и от этого у Мориса щекоotalo где-то в животе. Его всегда щекоotalo волнение, ещё

со школьных времён, давно он его не испытывал, давно он не мог гарантировать ничего.

С утра он успел заехать в отдел, он плохо разобрался в актёрских делах, потому приехал к той, кто разбиралась хорошо. Глория встретила его как обычно, как обычно она встречала всех у своей стойки с недовольным выражением лица.

Покажи мне того, кто доволен, говорила она, и я скажу тебе, кто толкает ему дурь. Обычное утро Глории начиналось в двенадцать, а если оно начиналось в девять, как сейчас, то не жди ничего хорошего. Но Морис знал, что она поможет ему. На заставке её компьютера пять голливудских звёзд сменяли друг друга, он как-то спросил, кто это, и получил такой взгляд презрения, будто не узнал не актёра, а Иисуса Христа. Ему приходилось держать в голове столько нераскрытых дел, уйму фото разыскиваемых преступников, что места на каких-то выдуманных людей просто не оставалось.

Глория пила кофе, когда Морис поставил перед ней статуэтку за лучшую женскую роль второго плана. «Покажи, покажи, покажи», — завопила Глория и уставилась на трофей, как прихожанин на святыню. Она забыла, что пила кофе, подавилась и закашлялась. После того как напиток, что застрял где-то в горле, вошёл-таки в нужное русло, Глория выхватила статуэтку из рук Мориса и стала рассматривать её со всех сторон.

— Ты не знаешь, кому могли вручить такую? — спросил Морис.

— Актрисе, кому же ещё, — посмотрела на него Глория поднятой из-под очков бровью.

«Вот уж помогла», — подумал Морис.

— Но важно узнать какой, — протянула она, переворачивая статуэтку. Внезапно её недовольно-писклявый голос приобрёл тон ни много ни мало сериальной Джессики Флетчер, той седой неугомонной тётки с лицом совы. Да, последний раз Морис смотрел сериалы в восьмидесятых.

— Я знаю, куда тебе нужно, — сказала Глория, ударив ногтями по столу.

Морис выехал из участка, и, к сожалению, не один. Он взял с собой Глорию для своей же безопасности, она обещала подсыпать ему в кофе цианистый калий, если он не возьмёт её. Да и помощь ему бы не помешала. Они покинули Филдстон, проехали под мостом Вашингтона и свернули на Риверсайд-драйв в сторону Манхэттена. Глория держала в руках статуэтку с таким видом, будто она только что сошла со сцены после пламенной речи благодарности родным и близким. Морис не стал нарушать её радости. Он не любил нарушать чьей-либо радости, ведь чаще ему приходилось приносить соболезнования и лезть с допросами к тем, кому он их приносил. А сейчас было что-то вроде мини-отпуска, душевной поездки к самому оживлённому месту на земле.

«Это какой-то муравейник из домов», — подумал Морис, когда впервые приехал сюда, ему казалось, что люди в таких местах не успевали даже за своими мыслями, не говоря уже о жизни и насущных делах. Они строили одни планы, другие до тех пор, пока одни не разрушали другие, и так всю жизнь, пока не выбирались отсюда за город.

— Ты знаешь точный адрес, Глория?

— Нам нужно на Бродвей, к зданию Линкольн

52 Плаза, вон там заворачивай. Морис завернул, как

оказалось, не там, но со второй попытки он всё же выехал с кольца на Бродвей. Жёлтые такси сменялись сине-белыми автобусами, высокие дома сменялись низкими, а после ещё более высокими, строительные леса загораживали все первые этажи зданий.

— Мы приехали, — сказала Глория, — тормози.

Хорошо, что он взял её с собой. Морис оставил машину возле здания. Из-за строительных лесов они еле нашли вход. Профсоюз находился на пятом этаже.

Морис не был уверен, что им здесь помогут, но Глория убедила его, что здесь знают всё о кино, наградах, как кого и, главное, кто награждал. «Это же гильдия киноактёров, — сказала она, — здесь все актёры: президенты и бывшие президенты, и замы, и люди, вот те, что ходят по коридорам, тоже играют в кино». Указала она на неизвестных Морису людей, когда они вышли из лифта на пятом этаже. Морис не знал этих людей, Глория тоже не знала, они были начинающими актёрами, и, может, уже завтра, может, завтра мы увидим их по телевизору, сказала она с придыханием. У Мориса не было никакого придыхания, он вообще не понимал, за что так любят актёров, и кому нужны эти игры, хочешь быть детективом будь им, но играть в него и получать за это деньги...

— Боже, как тут красиво, — запищала Глория, разглядывая вполне себе обычные белые стены с плакатами. Да, всё дело было в плакатах и актёрах на них. Потолок разрывало геометрическими фигурами, ломаными линиями, подсвеченными изнутри, пол также был раскрашен геометри-